



рассказ

Иван ОБРАЗЦОВ

г. Барнаул

Что началось прошлой зимой, когда у ТТ сломалась снеговая лопата.

Хотя можно сказать, что всё началось намного раньше, когда, проснувшись утром и включив телевизор, ТТ узнал: страна теперь не идёт в светлое будущее, а находится в суровом и безжалостном настоящем. Самые продвинутые стали ужасными реалистами и истово верующими, а особо одарённые ритуально поджигали свои партбилеты на «голубом глазу» многочисленных телекамер, освободившихся из цепких лап цензуры телевизионщиков.

Почитать заветы Ильича больше стало не нужно, да и вообще, это даже считалось (по умолчанию, конечно) вредоносно для общественных ценностей. У мирового пролетариата отняли вождя и на скорую руку предали политической анафеме, а он уже, в свою очередь, утянул за собой и весь этот самый пролетариат в анафему социальную.

Как обычно бывает при переделах власти, то есть при разборках государственного масштаба, в первую голову поменяли основные правила игры. Конституция, в которой главной ценностью для государства гордо числился человек, была признана кроваворежимной и бесчеловечной.

ТТ узнал из телевизора, что теперь всё стало по-новому, что новый закон приказывает государству считать главной ценностью частную собственность и её, собственно, эту собственность, — умножать, любить и лелеять. Так звучал новый завет времени.

В общем, всё как-то вдруг стало по-новому свежо и демократично.

И вот, по прошествии уже четверти века, у ТТ сломалась снеговая лопата — тогда-то всё и началось. Но вначале о том, кто такой ТТ.

Совпадение прозвища с известной маркой тяжёлого советского пистолета здесь скорее случайное, ведь ТТ — это было сокращённое от Тимофей Тимофеевич. В глаза говорили «Тимофеич», а между собой звали «ТТ». И всё же...

И всё же при определённом угле зрения случайность совпадения тяготела к закономерности. Тяготение это было оправдано в том смысле, что Тимофей Тимофеевич отличался феноменальной надёжностью и простотой суждений. Такими были его главные принципы и личные качества, которые проявлялись и в образе мыслей, и в решениях, касающихся дел повседневного-бытовых.

* * *

Снега в этом году навалило выше крыши, и ТТ уже шестой день откапывал периметр вокруг дома. Время было март, и всё начинало подтаивать, вот и торопился ТТ успеть до того, как снегогрязевой кисель начнёт подтапливать и подсиживать фундамент.

Как обычно, он начал с обратной стороны, где за домом под проседающими сугробами лежала куча старого горбыля. Перебросав снег через невысокий заборчик, отгораживающий его территорию от соседнего участка, ТТ очистил последний угол фундамента. Беспокоиться было не о чем. Соседи с этой стороны давно съехали в благоустроенную ипотечную квартиру, а в дом приезжали только летом, как на дачу. Потому ТТ со спокойной душой и чистой совестью перебрасывал весь снег от своего дома в соседский сад.

Тимофей Тимофеевич был крепким сибирским дедом, этаким букрей. Много лет назад его жена отдала богу душу, и с тех пор ТТ жил один, почти не общаясь с родственниками. Твёрдый, как дуб, он всё делал сам, не доверяя никому и размеренно ведя своё небольшое хозяйство. Живности никакой в доме не водилось, а единственным и главным хозяйством ТТ были огород и маленькая бревенчатая баня.

Размеренно откалывая снеговой лопатой и бросая через плечо куски сугроба, ТТ прикидывал в уме, куда бы лучше скинуть снег с верандной крыши. Верандовую крышу он всегда оставлял напоследок, как бы на десерт, — кидать оттуда было легко и приятно. Перед крыльцом образовывалась уже внушительная куча, но, в принципе, на неё можно было немного добавить, тем более что бросать придётся сверху и получится даже немного за спину куче, почти на огородные ближние грядки. Да, бросать туда, определённо, лучший вариант.

Решив так, ТТ подчистил последние слезавшиеся за зиму снеговые прослойки перед крыльцом и уже хотел отставить лопату, когда заметил сбоку ступенек забитый льдистым снегом угол. Он с силой ударил ребром лопаты по этому углу, но снегольдывая заморозка оказалась крепкой. Тогда ТТ немного расставил для устойчивости ноги и ударил ещё раз. Лопата щёлкнула и переломилась у самого основания черенка.

— Тыфу ты, пропасть, — выругался ТТ и поднял с земли отломанный лопатный ковш.

Лопата восстановлению не подлежала, и ТТ, досадливо покачав головой, понёс части уборочного инвентаря в сарай. Там он снял с черенка остатки пластмассового лопатного ковша и отнёс этот бесполезный хлам на помойку перед домом.

Надо было покупать новую лопату. До пенсии оставалось ещё полмесяца, а снег с крыши веранды оставался несброшенным.

«Да надо ж так не вовремя-то», — ТТ примерился в уме и понял, что на новый инвентарь из остатков пенсии никак не удастся выкроить. Занимать у кого-то он привычки не имел, тем более сейчас, когда уже несколько лет жил на одну только пенсию. И всё же он решил сходить в магазин и присмотреться к ценам, благо хозяйственный находился на соседней улице. Денег с собой брать не стал, даже на всякий случай, потому что никакого такого «всякого» случая ТТ не планировал.

«Вот что это за лопаты сейчас стали делать, дрянь, а не лопаты», — думал он, идя по разбухающей от пористого весеннего снега улице.

«Ничего толкового придумать не могут, всё дрянь да дрянь. С такой лопатой ни в какой космос не улетишь, а то всё туда же они, на Марс собрались», — настроение ТТ сделалось серым, серединно-унылым и упрямо стояло на месте, не переходя в раздражение, но и не успокаиваясь. Проходя мимо конторы местного коммунального хозяйства, ТТ бросил взгляд на их крыльцо. С двух сторон от крыльца на стене белели листки с одинаковой надписью «Осторожно, сход снега с крыши!».

— Хоть предупредили, — пробормотал ТТ и усмехнулся находчивости работников ЖКХ.

Разумеется, все прекрасно понимали, что дело здесь не в той находчивости, о которой говорят «голь на выдумки хитра». В данном конкретном случае дело было скорее в определённом коктейле из причин, основными ингредиентами которого являлись лень, воровство и хроническое презрение человека к человеку. Вот потому здесь уместнее обойтись вовсе не народной поговоркой про голь и хитрость, а литературной констатацией факта: пьют и воруют. Лопат для чистки крыш не было так же, как и людей для этой рабо-

ты. Первое было следствием патологического чиновничьего воровства, второе — отсутствия культуры питания крепких спиртных напитков. В общем, ни работников, ни лопат — одни вывески. Зато вывесок было много.

Вот поэтому повторять вслед за классиком, что всё есть в Греции, а в России нет ничего, это тоже несправедливо. Ведь висели же по всем просторам необъятной родины Тимофея Тимофеевича бумажки с предупреждением о сходе с крыш снегов, а где-то так и ещё подробнее — о сходе с бесконечных покатых российских крыш снегов и льда одновременно. Бумажки висели везде и всюду. Уж чего-чего, а ксероксов в стране было завалилось, что совсем не удивительно в эпоху господства юридическо-бюрократического вида человеческих отношений.

«Не по-человечески как-то, когда бумажку повесить только и горады. Сволочи, Сталина на вас нет, вот тот бы сразу навёл порядок», — ТТ усмехнулся ещё раз, но как-то совсем не весело.

Ему подумалось, что уж лучше вешать бумажки, чем людей, хотя порой и казалось наоборот, но эти повороты мыслей уже пугали своим террористическо-экстремистским уклоном.

В голове гудели и другие неясные мысли, но они все были как-то на дне, а если ТТ вдруг начинал пробовать эти мысли подумать, то взбивалась такая невыносимая муть, что лучше бы ничего со дна не доставал. Вообще, лучше всего выходило бормотать бессвязно себе под нос. Так никакие мысли со дна не задевались, а бессмысленность бормотания становилась чем-то вроде течения, по которому плыла лодка-язык. И никакое весло не баламутило воду, где на дне оставалось всё то, что и должно там, на дне, остаться, быть нетронутым и спать спокойно.

ТТ никогда не задумывался о вещах дальше самих вещей, потому что никакой необходимости в этом не возникало. Вот и сейчас организм среагировал на ситуацию просто и интуитивно понятно. Не поднимая внутренней донной мути, мысли проскальзывали сразу на язык и лились тихим бормотанием из-под носа наружу.

Уже завидев впереди двери хозяйственного магазина, ТТ понял, что приступ бормотания прошёл, и он молча идёт по расхристанной мартовской улице.

* * *

В хозяйственном магазине пахло пылью и машинной смазкой. Лопаты, новенькие, блестящие чистотой форм, стояли в отдельном углу.

ТТ протянул руку и, взяв ближайшую лопату, начал её вертеть и рассматривать. Всю поверхность красного пластика прорезали глубокие борозды, а на конце по всей ширине ковш обхватывался впаянной в пластик тонкой полоской металла.

— Да, — кумекал ТТ. — Вроде смотрится ничего, дюжить должна.

Он отвёл руку с черенком немного назад и качнул лопатой, как бы счищая перед собой воображаемый снег. И в этот момент за окном хрустнуло, зашуршало и с грохотом и треском обломки льдистой слюды осыпались с крыши на жестяной уличный подоконник.

Тимофеич замер. Всё вдруг на долю секунды остановилось, и в этом замершем кадре осталось только он, руки с лопатой и осыпавшиеся на громыхающий подоконник обломки слоистого льда. Внезапная взбалмошная и нелепая мысль пронзила Тимофея Тимофеевича: «Будто это я смахнул с крыши снег, будто я мыслью одной его сдвинул!»

ТТ нахмурился, поставил лопату на место, молча и тяжело вышел из магазина. До дома он шёл, ни о чём особо не думая, так как пребывал в каком-то лёгком шокообразном оцепенении. Зайдя в калитку, уселся на крыльцо и стал думать о жизни.

* * *

—  отец, где здесь проезд на Ленина?!

Тимофеич поднял голову. Из-за калитки на него пялился неопределённой, но мерзко маячившей внешности мужик. Нагло ухмыляясь, мужик сплюнул и нетерпеливо переспросил:

— Дед, на Ленина где тут проехать вроде где-то через Соцпроспект или Красноармейский мы врубиться никак не можем, всё тут обездили уже ты не в курсе? — мужик говорил без пауз, словно не особо вникал в слова, он будто читал какое-то бессмысленное заклинание, с помощью которого должен открыться если не сим-сим, то как минимум проход к куче денежных купюр.

— Нету здесь никакого Ленина, и проезда нету, — ТТ встал и, повернувшись к наглой физиономии спиной, стал возиться с дверным замком.

Он слышал, как мужик ещё раз сплюнул, потом хлопнула дверца машины и загудел, удаляясь, мотор.

* * *

— Что это за привычка — через забор орать? Совсем никакого приличия не осталось...

ТТ открыл дверь, зашёл на веранду и посмотрел на старый настенный календарь, где уже много лет маячила иллюстрация к Международному дню трудящихся. Обозначенные чёрными штрихами фигуры людей изображали тех самых трудящихся, над головами которых был растянут во всю ширину календарного листка транспарант «Мир! Труд! Май!». Выше по центру стояла гордая единица, упирившаяся своей единственной циферной ступнёй в слово «май».

Подойдя к календарю, ТТ потрогал пальцами изображение единицы, и вдруг ему пришла в голову забавная идея: «А что если повесить у себя на заборе табличку, будто здесь есть собака огромная и угрожающая. Так и орать через забор отобью привычку у всяких наглых рож».

* * *

Повозившись в сарае, он отыскал подходящий кусок фанеры. Выровняв его ножовкой и отшоркав наждачной бумагой, ТТ повертел будущую табличку перед собой и остался доволен результатом. Теперь надо было придумать текст.

— Осторожно, злая собака, — проговорил ТТ вслух и пожевал губами, словно пробуя на вкус угрожающую степень остроты фразы. — Нет, как-то это общо, надо бы поконкретней, — ТТ представил рожу неопределённого мужика и понял, чего не хватало в придуманном тексте. — Осторожно, во дворе злая собака! — так звучало лучше и конкретнее, но всё равно как-то не удовлетворяло чувства раздражения, которое вызвал наглый мужик. — А с чего это вдруг мне надо о нём сто раз беспокоиться?

Если не совсем идиот, то и так будет ясно, что лучше проявить осторожность.

Слово «осторожно» было отброшено за ненадобностью, и осталось лаконичное и краткое предупреждение: «Во дворе злая собака».

— Просто и понятно, прямо в самую точку, — ТТ скривил губы и представил нерешительные глаза непрошеного гостя, который прочтёт табличку. На душе стало легко и спокойно.

Когда-то, ещё при живой жене, к ним изредка привозили внуков, и с тех времён в коробке с разным бытовым хламом осталась упаковка с деревянными буквами алфавита. Много лет назад маленькие внуки выкладывали из этих букв разные простые слова типа «мама», «баба», но сейчас многие были утеряны. Это немного напрягало и вызывало внутреннее беспокойство. ТТ тщательно разобрал хлам и отыскал упаковку с алфавитом. Высыпав перед собой на стол деревянные фигурки, он принялся выуживать пальцами буквы и складывать из них нужную фразу.

В, о, д, р, е, з, л, а, я, с, б, к. Все необходимые буквы оказались на месте, и ТТ облегчённо вздохнул. Проведя по фанере три карандашные линии, приготовился печатать текст. Накапав на войлочный обрывок масляной половой краски, он осторожно брал плоскогубцами каждую букву и, макнув в мягкий войлок, аккуратно делал отпечаток на фанерном прямоугольнике.

* * *

На следующий день краска просохла. ТТ вышел за калитку с табличкой, молотком в руках и с несколькими гвоздями в кармане.

— Здорова-а, Тима-афеич!

Перед ТТ вырос, словно из ниоткуда, акселеративный и вертлявый сосед, которого все звали Велик. Великом он стал из-за фамилии, которая была то ли Велиалов, то ли Велизаров, но ТТ звал соседа просто Димон.

— Здорово. Чего болтаешься, с работы, что ли, выгнали? — ТТ начал прилаживать табличку на заборные доски, сбоку калитки, — так, чтобы на уровне глаз любого непрошеного гостя сразу виден был чёткий и недвусмысленный посыл «Во дворе злая собака».

– А ты чего эт, Тимофеич, про собаку пишешь, у тебя ж сроду её нету? – Димон пропустил вопрос Тимофеича мимо ушей.

– Теперь есть, – твёрдо сказал ТТ через плечо и начал прибавать табличку.

– Чё эт ты, когда успел-то? – ТТ затылком чувял, как неприятно вертится рослая фигура и мимикрирует дебильная физиономия Димона у него за спиной.

Димон-Велик катал и выпячивал губы, порскал и цвикал, резко втягивая сквозь зубы воздух, непрерывно сплёвывал перед собой и мелко поглядывал по сторонам.

– Ну-ка, Димон, подержи здесь, – палец ТТ ткнул в край таблички.

Димон придавил одной рукой угол фанеры, а другой начал потрагивать то кончик носа, то бровь, то лоб, причём он умудрялся каждым движением свободной руки тронуть, утереть и почесать одновременно.

– О, глянь, Тимофеич, эт не к тебе едет? – Димон придурковато засмеялся.

ТТ обернулся. Мимо по разбитой дороге медленно и аккуратно крался большой чёрный джип. Внутри сидели какие-то жирные чёрно-коричневые силуэты, отдалённо напоминающие людей. Не спеша, вальяжно и презрительно джип проехал мимо и стал удаляться.

– Машину бережёт, смотри, как потихонечку ползёт, – ТТ поднял руку с молотком и потряс им вслед джипу.

– Историю надо было беречь, и дороги были бы целые, – он повернулся и с силой последний раз ударил по гвоздю, словно ставя твёрдую точку в своём высказывании.

– Тимофеич, у тебя крыша-то чего не чище-на? – Димон отнял руку от забора и, раскрыв широко рот, зевнул.

ТТ молча и степенно указал на табличку, мол, будьте внимательнее, а то обращаете внимание на второстепенные нюансы, упуская при этом важные инструкции.

К вечеру погода резко поменялась. Подул истеричными порывами холодный и сырой ветер. ТТ топил печь и листал старые выпуски журнала «Наука и жизнь». Так прошли две недели, а после с крыш опять потекло.

* * *

Получив пенсию, ТТ отправился в хозяйственный магазин и купил ту самую из толстого красного пластика и с металлической полоской окаёмки снеговую лопату. Вернувшись домой, он по приставленной деревянной лестнице поднялся на уровень верандовой крыши, но снег скидывать не стал.

За две недели резкого похолодания снеговой студень на крыше превратился в сплошной кусок льда, из-под которого уже текли струйки оттепельной воды. Подниматься на крышу и стоять на этом скользком монолите было опасно, потому ТТ только выругался про себя и, спустившись на землю, задумался. Подтаявший лёд мог в любой момент обрушиться с покатою крыши, тем более что борозды профнастила, подобно скользким рельсам, так и манили лёд сбежать весело вниз и обрушиться на голову проходящего мимо ТТ.

Скинуть нет возможности, но и оставить всё вот так тоже нельзя. ТТ понял, что за многие годы у него появилась даже не привычка, а неосознанное знание, что в это время весь снег с крыши сброшен и можно ходить спокойно. Он вдруг представил, что идёт, задумавшись о чём-нибудь, из сарая и совершенно не замечает опасности сверху. А в этот момент рушится лёд и калечит ТТ. Страшнее всего была вовсе не возможность летального исхода, смерть как раз никакого страха не вызывала. Но вот остаться беспомощным парализованным инвалидом было страшно и невыносимо глупо.

И тогда ТТ вспомнил про два одинаковых объявления, которые видел недавно возле крыльца местного ЖКХ. Действительно, ведь нет ничего проще, чем написать себе перед глазами памятку «Осторожно, на крыше лёд!». Решение оказалось настолько простым и гениальным, что дух захватывало, но главное, это не требовало никаких особых усилий.

Вернув в сарай лопату, ТТ отыскал на полке грифельный карандаш и кусок картона. Потом подумал и, отложив карандаш в сторону, достал банку масляной половой краски и щепкой начертил себе памятку «Внимание! Осторожно! На крыше лёд!». Довольный собой, он прибил мелким гвоздиком табличку на уровне

глаз сбоку окна веранды и, отойдя немного назад, посмотрел на свою работу.

Да, сделано было как надо. ТТ вернулся к сараю и не спеша пошёл в сторону дома, как бы репетируя возможную в будущем ситуацию. Табличка сразу бросалась в глаза и была прекрасно видна, но, взойдя на крыльцо, ТТ обнаружил, что этого недостаточно. Он сообразил, что если будет идти со стороны калитки, то никакой таблички не увидит.

Через полчаса была готова копия памятки. Прибив ещё одним мелким гвоздиком дубликат антильдовой таблички со стороны тропинки, ведущей к дому от калитки, ТТ остался полностью доволен результатом. Зайдя домой, он взял выпуск журнала «Наука и жизнь» за прошлый век, лёг на старый диван и погрузился в чтение.

* * *

Яблоне́вый сад в этом году дал обильный урожай. Крупные, сытые яблоки падали на землю тяжело и надёжно, словно собирались тут же прорасти новым деревом. ТТ собирал яблоки в деревянные ящики и уносил на веранду. Вся веранда благоухала приторным запахом спелых фруктов.

До конца августа оставалось чуть более десяти дней, а на дворе стояла такая жара, что, казалось, до осени ещё всё лето впереди. В эти редкие дни к ТТ обычно приезжал сын со своей коротконогой упитанной супругой и привозил Тимофеичу на недельку пару дебелих внуков. Уезжая, сын загружал багажник своей машины ящиками с яблоками и где-то сдавал их на продажу.

— Эт-т самое, Тимфей Тимфеич, слышь, эт самое, — над заборчиком, отгораживающим сад ТТ от соседнего участка, болталась мелкая головка соседки Анчутки.

То была маленькая юркая старушонка, постоянно появлявшаяся непонятно когда и откуда. Казалось, что, дожив до возраста, когда внешность уже теряет своё значение, Анчутка так и застыла в этой поре. Глядя на неё, можно было подумать, что ей пятьдесят, так же, как и можно было подумать, что ей сто лет. Время для Анчутки давно остановилось, и от молодых годов осталось одно имя — Анчутка.

ТТ аккуратно уложил пару яблок, которые

только снял с ветки, и распрямылся. Голова соседки нетерпеливо бултыхалась над заборной стенкой. Иногда над ней взлетала сухонькая мумифицированная кисть руки и поправляла на жиденьких волосёнках засаленный платок.

— Эт самое, Тимфей Тимфеич, ты яблоньку, эт самое, яблоньку-то удобрять чем хошь?

— Подкормку, что ли, какую? — Анчутка всегда напрягала своими назойливыми и идиотскими советами, но в этот раз ТТ почему-то совсем не понравился её интерес, и он даже подумал, что вот так если отрезать Анчутке голову и насадить на забор, то даже и тогда она наверно будет надоедать своей трескотнёй. Ещё ТТ подумал, что от этого может быть польза, ведь и пугало ставить не понадобится, и даже табличку про злую собаку можно снять. Он недобро улыбнулся про себя.

— Ну, эт самое, да-да, я, эт самое, и спрашиваю, — голова Анчутки затрепетала ещё нетерпеливее, было ясно, что сейчас последует очередной совет, вычитанный ею из какой-нибудь рекламной колонки на последней странице «Унылого сада».

— Чем всегда, тем и буду, — у ТТ немного закружилась голова и мир качнулся из стороны в сторону.

— Так я, эт самое, я вот тут прочтала, эт самое, надо этим самым, ну из сортира брать и мазать, эт самое... Профессор-садовод сказал, что только эт самое этим самым, ну человеческим говном надо, вот, — выпалила голова Анчутки на одном дыхании. И звучало это так, будто это такая самая правдивая правда, которую от народа все скрывали, но сейчас всё открылось. А если уж профессорский рот изрекает эту правду, то сомнений быть никаких не может, значит, всё так и есть.

ТТ представил ровные стволы своих яблонек, перемазанные вонючими кусками дерьма, и его затоснило. Мир закачался ещё больше, и он присел на пустой ящик, чтобы перевести дух.

— Ты свои-то уже поди намазала? — ТТ почти был уверен в ответе.

— А как же, эт самое, сейчас самое время, эт самое, а ещё можно в тряпочку и к голове приладывать, чтоб, эт самое, не вело, эт самое, от давлёнки, — на голове Анчутки был платок, потому ТТ не сразу заметил странный комок, выпиравший из-под платка на её макушке.

— Что же так воняет-то, а я-то думаю, что ж так дерьмом-то несёт, — пробормотал ТТ себе под нос, встал и грузно ушёл домой.

* * *

На память от лихих девяностых у ТТ остался спрятанный за домом под кучей полусгнившего горбыля пистолет марки «Тульский Токарева». Это была старая модель с широкими насечками на корпусе и деревянными щёчками. Он нашёл этот пистолет прямо на улице, когда пешком возвращался поздно вечером домой с похороном жены. Тогда обойма оказалась наполовину пуста, а из дула пахло копчёной колбасой.

«Тульский Токарева» лежал в ладони тяжело и надёжно. Тимофей Тимофеевич понюхал дуло. Сейчас отсюда пахло сыростью и распаханным полем. За годы, проведённые в земле, под гнилыми сосновыми досками, пистолет пропитался какой-то земляной древностью и был похож на артефакт давно ушедшей войны.

ТТ сел на кровать, посмотрел вокруг. Его окружали такие родные и близкие сердцу предметы. Вот старая русская печь, покрытая пожелтевшей, но ровно уложенной известковой смесью, вот деревянная оконная рама — они с женой когда-то давно ставили эту раму и смеялись, когда с той стороны окна села со-

рока и, стрекоча, стала косить на них глазом, словно приглядываясь к новым жильцам. Он вспомнил о жене и о той стране, где они были счастливы. Сейчас он чувствовал себя старым брошенным плюшевым медведем. Не было страха или жалости, не было тоски по ушедшей эпохе, осталась одна только сосущая в груди пустая тяжесть. Это была тяжесть огромной пустой цистерны, из которой выкачали всё дизтопливо, это была тяжесть гигантских пустых космодромов, это была сама тяжесть земной гравитации.

Впервые он захотел во что бы то ни стало ощутить вкус полёта, полёта туда, где они опять будут счастливы, где они опять будут вместе.

Тимофей Тимофеевич счастливо улыбнулся и, ласково поднеся к виску дуло пистолета, нажал спусковой крючок.

* * *

Когда тело Тимофея Тимофеевича было обнаружено, то на стене в красном углу наискосок от изголовья кровати висела табличка «В моей смерти просьба никого не винить». Внизу, на тумбочке, опрокинутый вниз лицом, лежал портрет вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина.

□

Иван Юрьевич ОБРАЗЦОВ

Пишет стихи, прозу.

Публиковался в журналах «Юность», «Алтай», «Клаузура»,

в альманахе «Ликбез», в газетах «День литературы»

и «Литературная газета»,

на интернет-ресурсе «Российский писатель» и др.

Лауреат «Фестиваля речи» (2011, 2013)

и Краевого издательского конкурса в номинации «Поэзия».

Дипломант всероссийской премии Даниила Хармса.

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

В журнале «Север» публикуется впервые.

